

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 16, Is. 4, pp. 242–250, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.16.242
www.ejournal15.com

UDC 393(470.620)

Role of the Orthodox Church Services in the Forming of Folk Attitudes Towards the Dead

Irina A. Kuznetsova

Research Centre for Traditional Culture Government Budget Scientific and Creative
Institution for Culture of the Krasnodarsky Kray Kuban Cossack Choir, Russian Federation
16, Klubnaya Street, Krasnodar, 350051
E-mail: i.a.kuznetsova@gmail.com

Abstract

The paper characterizes the influence of the divine services to the Kuban Cossack's notions of death and to the contents of the funeral and memorial rites. The author consequently examines several aspects of this influence. The divine services are analyzed as a source of the texts, terms, and modus operandi, as means of forming the attitude to dead, the communication with the deceased, and attitude to the personal death. The author also briefly touches upon the cases of folk customs influencing divine services.

Keywords: church, commemoration, death, deceased, divine worship, Kuban Cossacks, order of service.

Введение

Степень влияния богослужебной практики на формирование обычаев похоронно-поминального комплекса остается одним из малоизученных аспектов традиционной культуры русских. Причина не только в идеологических установках советской эпохи. Погребально-поминальный комплекс считается наиболее устойчивым, поэтому в ряде исследований акцент делался на поиск архаики. Так, при анализе содержательного плана погребального обряда О.А. Седакова оставляла в стороне позднейший пласт народно-христианских представлений об адских муках, рае, Страшном суде, воскресении, считая, что обряд в своем составе не связан с ними [1]. Ранее В.И. Ерёмкина, рассматривая семейный ритуал «в пору его продуктивного функционирования», пришла к выводу о том, что «христианизация именно в этой области не принесла сколько-нибудь существенных результатов. В центре погребального ритуала оказался страх... перед мертвым, он-то и поддерживал строгость соблюдения и поразительную устойчивость данного ритуала в течение многих веков» [2]. Подобные выводы делались и на основе анализа кубанского материала. Н.И. Кирей и Е.В. Моряхина, исследуя похоронную обрядность славянского населения Кубани, отмечали, что «в составе религиозно-магической субструктуры [похоронной обрядности. – И.К.] основное место занимали элементы дохристианских, языческих верований, тогда как основа, опирающаяся на христианские (православные) культуры, была сравнительно мала, и значение ее в ритуалах относительно невелико» [3].

Однако, как показала позже И.А. Кремлёва, в основе похоронно-поминального комплекса обряда русских лежит христианский (православный) похоронный ритуал [4]. Исследователь ввела огромный пласт материала, доказывающего, что хоронили не в соответствии «со страхом перед усопшим и перед смертью», а исходя из «проводов тела и души в мир иной», исходя из понимания суда, из четкого представления о том, что грех сделал тело смертным.

В данной публикации будет предпринята попытка, обратившись к материалу представлений о смерти и погребально-поминальных обрядов восточнославянского населения Кубани, выявить и охарактеризовать те компоненты повседневности и представлений жителей кубанских станиц, бытование которых можно считать обусловленным влиянием богослужебной практики.

Материалы

В настоящей статье эмпирическим материалом служит многолетняя работа Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубани, проводимая в рамках Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции. Запись сведений о похоронно-поминальном комплексе происходила в ходе полуструктурированных интервью с жителями кубанских станиц старшей возрастной категории. Говоря о богослужебных практиках, мы опираемся на фундаментальный труд святителя Афанасия Сахарова «О поминовении усопших по уставу православной церкви» [5].

Обсуждение и результаты

Для христианина временная жизнь – это период духовных подвигов и подготовка к жизни вечной. После смерти душу ждет временный суд и воздаяние, а после второго пришествия Христа тело будет восстановлено и соединится с душой для вечного блаженства, если человек прошел жизненный путь в согласии с заповедями, либо вечных мук. Христиане верят, что до второго пришествия Христа и воскресения мертвых молитвами и добрыми делами в память об усопшем можно изменить определение временного суда.

Церковь вводит поминовение усопших в общественное, частное поминовение и домашнюю молитву. Отношение к умершим сродникам так же, как и отношение к вероисповеданию, формируется в семье. В церкви верующий получает основную информацию о поминовении усопших, сведения о жизни души после смерти, здесь же находятся основные возможности и пути помощи усопшему. Верующие уповают на освобождение усопшего от грехов в результате церковной молитвы и церковных таинств. Формирование мифологии загробной участи во многом обусловлено церковной составляющей, поэтому народная культура поминовения лежит в русле церковной догматики, хотя и имеет народную мифологическую форму выражения, которая в чем-то может не согласоваться с церковным пониманием. Но эти отклонения не догматические, вероучительные, а бытовые, обрядовые.

В этнографической литературе заупокойные богослужения уже становились предметом научного внимания. В частности, рассматривая возрастной символизм смерти и посмертных переходов, Т.А. Бернштам подробно описывала требы, связанные с переходом в иной мир, начиная с таинства елеосвящения – соборования. Далее исследователь описывала чин отпевания, в том числе младенческий чин, чин погребения, а также поминовения общественные и частные. Сравнивая полевой материал с богослужебной практикой, исследователь пришла к выводу, что «народная погребально-поминальная обрядность вполне органично взаимодействовала с церковным учением и требами, являясь как бы дополнением последних» [6]. О совершении заупокойных литургий и панихид в дни поминовения усопших как о широко распространенном явлении писала И.А. Кремлёва [7]. Как показывают современные исследования, взаимовлияние практического богослужения и традиционной культуры не ограничивалось участием носителей традиционной культуры в церковных службах. Рассматривая полесские обычаи «печатать покойника»¹ и «поднимать

¹ Переосмысленный народным сознанием фрагмент церковного чина погребения, во время которого священник крестообразно лопатой посыпает землю на опущенный в могилу гроб, помяная имя покойного со словами молитвы «Господня земля...».

воздух»¹ в погребальной обрядности Е.Е. Левкиевская делает вывод, что в основе обоих обрядов лежит семантическое и структурное переосмысление формы православного церковного богослужения (в одном случае – погребального чина, в другом – литургии), преобразование которых в элементы народной погребальной и поминальной практики было абсолютно невозможно без участия (активного или пассивного) в этом процессе самого духовенства. Исследователь отмечает, что процесс «обработки» православных канонических форм по народным моделям «народного православия» продолжался и в XX в., когда целенаправленного влияния церкви уже не было [8].

Богослужения, связанные со смертью христианина, не ограничиваются нарочито заупокойными последованиями. Помимо богослужений, специально посвященных усопшим (панихиды и заупокойной литии), молитва об умерших возносится во время суточного богослужения. Самым важным и самым действенным поминовением является поминовение живых и усопших на проскомидии (предварительной части божественной литургии) при изъятии частиц из просфор. Позже на литургии эти частицы соединяются в чаше с Божественной кровью. В заключении произносится: «Омый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею честною, молитвами святых Твоих» как свидетельство совершающегося факта омовения грехов.

Молитвы об усопших, о прощении их грехов и об их блаженстве в загробном мире находятся в различных церковных чинопоследованиях. Суббота в христианской традиции считается поминальным днем. В Октоихе каждый глас имеет в субботу на утрени особый канон об усопших. На вечерне же субботы имеются особые стихирьы на стиховне², посвященные усопшим. Точно так же они имеются в каждом гласе и на утрени субботы в стихирах на стиховне.

В череде суббот есть особо выделяемые вселенские родительские субботы: перед неделей мясопустной, в народе именуемой масляной, и Пятидесятницей. В эти дни в первую очередь поминаются все прежде почившие христиане. К родительским также относятся три субботы Великого поста – вторая, третья и четвертая. Вызвано это особым постовым богослужением. Усиленные заупокойные моления в это время установлены «как бы в возмещение не могущего быть в будничные дни поста литургического поминовения». Как особая поминальная выделяется так же Дмитриевская суббота. Ее появление предание связывает с князем Дмитрием Донским как день поминовения воинов, погибших на Куликовском поле. Молитвенная память о погибших в боях была частью казачьей воинской культуры. Панихида по убиенным воинам, так же как и литургия, была неотъемлемой честью войсковых торжеств [9].

Таким образом, посещение различных богослужений в течение года подталкивало верующего к постоянному памятованию о смерти. В конце XIX – начале XX вв. на территории Краснодарского края во всех станицах были построены храмы и велось богослужение. Однако к середине XX в. большинство храмов было закрыто, а приходы упразднены. В целом посещение суточных богослужений было затруднено, как правило, в районе оставался один храм. Традиция совершения отпевания усопших сохранялась, но носила заочный характер, т.е. совершалась не у тела покойного, а зачастую значительно позже погребения тела. Несмотря на то что православная церковь сузила сферу влияния, многие обрядовые действия и тексты носили явно христианский характер. Этому, на наш взгляд, способствовало активное участие носителей традиционной культуры в богослужениях в досоветский период.

Богослужение как источник текстов, терминов и образа действий.

Рассуждая о литургическом богословии смерти, О.А. Седакова отмечала свойство

¹ Отголосок действий священника с воздухом во время совершения евхаристии. Воздух – небольшой покров, которым покрывается чаша со святыми дарами. При чтении «Символа веры» священник поднимает воздух над чашей и колеблет его.

² Стихира или стихера – в православном богослужении гимнографический текст строфической формы, обычно приуроченный к стихам псалма. В стихирах проводится тема дня или воспоминаемого события. Стихиры на стиховне, иначе «стиховны» (греч. *στίχηρα εἰς τὸν στίχον*), т.е. на стихи разных псалмов, определяемых конкретным праздником; поются в конце вечерни, в середине бденной литии и в конце вседневной утрени.

практического богословия в православной традиции – «его богословский фундамент составляют преимущественно литургические тексты». Их, в отличие от доктринальных сочинений святых отцов, обыкновенно помнят наизусть [10]. Посещение воскресных и праздничных богослужений станичниками до революционных событий было обязательной практикой [11]. Каждый день кроме воскресения на полунощнице читаются тропари и стихиры об усопших. Во время литии на вечерне просят: «Ещё молимся... о успении, ослабе, блаженной памяти и оставлении грехов всех прежде отшедших отец и братии наших, zde лежащих и повсюду, православных». Октоих, Минея и Триодь – богослужебные книги, в которых содержатся тексты песнопений, совершающихся во время богослужений. Сквозной темой песнопений является утверждение о том, что после Спасительного подвига Христа рай снова стал доступен людям.

В наши дни мы не можем судить, насколько хорошо были знакомы станичники с богослужебными текстами. Тем не менее при описании современных обрядов погребения в речи собеседников встречаем богослужебную лексику. Например, бодрствование ночью рядом с телом усопшего могли назвать *всеношной*: «Ну всеношная – пять человек, шесть человек до самого рассвета [сидят около усопшего. – И.К.]» [12]. В домашних молитвах в словах поминовения сродников прослеживаются мотивы заупокойных молитв. «“Царство небесное всем моим сродникам по плоти и по крови, и прости им, Господи, все согрешения вольные и невольные и даруй им Царствие, причастие вечных Твоих благих и бесконечной жизни наслаждение”, – это я всегда за каждым разом поминаю» [13].

Помимо лексических заимствований в домашней обрядовой практике встречаем действия, напоминающие богослужебные. В ряде кубанских станиц бытует поминальный обычай, приуроченный к сороковому дню. В состав обрядовых действий входит приготовление чаши, подобной евхаристической. Приведем описание, зафиксированное в станице Ильинской. «Когда вот усопшего поминают сорок дней, на стол у нас, то же ж самое не везде, вот в Покровке я была, на поминках, у них эту чашу не ставят, а у нас это заведено спокон веков, сколько я помню, и мама наша. [...] Раньше приходили все вечером и молились, все от работы свободные, и на стол ставили так же хлеб-соль, и еще готовили чашу. Обыкновенный наш русский компот, и туда добавляли лишь только сто грамм вина кагора, наливали сверху. И вот он стоял, пока отмолились, канон отчитали, кутья стоит, кто что-то приносит, на столе стоит. И когда канон отчитают, заканчивается канон, и родственники, помолясь, прилаживаются к Псалтыри, наливают эту чашу, чашу спасения души, и кутью, вышили этого компотика и кутью ложечку скушали – вот так у нас положено. На сорок дней только кутья. Вот это и есть проводы души. Вот это как чаша спасения, и когда мы канон читаем, ну вот не знаю, у меня всегда становятся на колени, молятся о душе усопшей, и потом она радостная идет к своему ангелу и говорит радостная, что меня оправдали, помолились за меня. И вот потом они распивают эту чашу, они прощаются с душой, я открываю Псалтырь, где Царь Давид, который писал Псалтырь, они целуют образ, и прощаются с душой. Так заканчивается наша молитва на сороковой день» [14]. В станице Успенской также на сороковой день готовится чаша с компотом и вином, но дополнительно печется лесенка. Лесенка и компот могут приноситься в церковь на панихиду об усопшем. После панихиды лесенка ломается и частично раздается вместе с компотом пришедшим в храм. Оставшееся приносится в дом, в котором устраиваются поминки. После чтения Псалтыри присутствующие также употребляют компот и оставшиеся кусочки испеченной лесенки, желая Царства Небесного покойному. После в 12 часов ночи садятся за поминальный стол. Здесь так, же как в первом примере, компот с вином называют «чашей» [15].

Повсеместно на Кубани, описывая движение и очередность похоронной процессии, респонденты вспоминают похороны «с выносом» или «со святостью». Во время существования приходов и до их запрещения впереди похоронной процессии несли запрестольный крест, хоругви, фонарь, взятые в церкви. То, что телу умершего христианина оказывался почет, как святыне, – молящиеся держат в руках свечи, как при больших торжествах, совершается обильное воскурение фимиама – говорит об особом отношении к останкам. Святитель Афанасий Сахаров напоминает, что они действительно святыня, ибо неоднократно освящались таинствами церковными [16]. Однако несение хоругвей не является обязательным и не оговаривается в описаниях совершения православного обряда

погребения. Подобную процессию мы можем наблюдать в праздник Успения Богородицы. Во время совершения чина погребения Богородицы священнослужители в сопровождении прихожан износят из храма плащаницу с изображением Пресвятой Девы, впереди несут фонарь, хоругви и запрестольный крест.

Богослужение как явление, формирующее отношение к умершим и опыт общения с умершими. Церковь в православии понимается как сообщество живых и уже перешедших в иной мир христиан. Святитель Афанасий Сахаров напоминает о том, что «не только душам мученическим от Бога дается zde бываемая разумно зрети и веселится и ликовать, вместе с живыми, собравшимися в храме, не только святые невидимо приходят в среду молящихся, запечатая пение и предначиная торжество и в лике церковном поют песни с поющими, но и вообще все усопшие <выделено И.К.>, по верованию Церкви, во время молитвы соприисутствуют молящимся, невидимо лишь для телесных очей». Поэтому в богослужении не только нередки обращения к небожителям с приглашением прийти в среду молящихся, но и частое, почти ежедневное обращение к усопшим, как к непосредственно присутствующем в храме: «Вечная память достоблаженным отцы и братья наши, приснопоминаемые» [17]. Таким образом, богослужение не только напоминает о жизни душ усопших после смертного перехода, но формирует и поддерживает ощущение близости духовного мира. В связи с этим вполне естественно в рамках православной культуры выглядят осознание присутствия душ усопших сродников в дни Пасхи, характерное для традиционной народной культуры.

Среди людей воцерковленных сохраняется понимание особой значимости для умерших поминовения во время литургии. «... Вот когда на престол подаешь о здравии, об упокоении, это вони прямо все радуются, которых ты пописала, все» [18].

Описывая обычаи и нравы жителей станицы Троицкой в конце XIX в., А.В. Липинский сообщал: «Поминовение преставившихся почитается одною из главных христианских обязанностей, оно совершается в первый день погребения, третий, девятый и сороковой дни по смерти ближнего, через полгода и год. Даже человек бедный, состояние которого не позволяет совершать поминки в тех размерах, как оне обыкновенно устраиваются, не преминет отслужить панихиду в церкви и помолиться о спасении души умершего. Кроме того, население поминает преставившихся еще в другие определенные, установленные церковью дни, или так называемые родительские субботы» [19].

В наши дни память о поминальных субботах сохраняется прежде всего в тех станицах, в которых в советский период сохранялось либо в последние годы было восстановлено богослужение. Именно в этих станицах в ходе интервью в качестве поминальных не забудут упомянуть родительские поминальные субботы Великого поста и Дмитриевскую субботу.

В современной народной традиции самым почитаемым родительским днем является Радоница (вторник второй недели после Пасхи по церковному уставу). В Краснодарском крае по давней традиции этот день приходится на понедельник следующей после пасхальной недели. В наши дни в этот день вспоминают об усопших сродниках и неверующие.

Особо выделяет народная традиция поминовение в *Троецкую субботу* – субботу Пятидесятницы. Это один из двух вселенских поминальных дней. В эти дни церковь молится прежде всего о тех, о ком не кому молиться, а личные поминовения уходят как бы на второй план. На вечерне Духова дня в коленопреклоненных молитвах молятся и о пребывающих в аду. В народе считается, что в этот день поминаются те усопшие, о которых нельзя молиться в церкви: *удушельники* и утопленники.

В станице Владимирской Лабинского района в качестве поминального дня выделяют 11 сентября – день Усекновения главы Иоанна Предтечи. В этот день в качестве поминального блюда пекутся и раздаются пышки. Верующие станичники устраивают поминание в храме [20]. Необходимо отметить, что этот день относится к тем немногим дням, когда по уставу церкви заупокойные моления устраняются из всех служб. Поминовение православных воинов в этот день было введено в 1796 г. по распоряжению императрицы Екатерины II в память о русско-турецких войнах.

Богослужение, формирующее отношение к личной смерти. Обращаясь к суточному богослужению, отметим, что конце вечерни пение «Ныне отпускаеши» напоминает молящимся о последних днях нашей жизни. Подобно старцу Симеону,

верующие надеются отойти ко Господу с миром, уповая на милосердие Божие, явленное через Избавителя и Спасителя нашего Господа Иисуса Христа.

В традиционной культуре неотъемлемым сценарием «нормальной» смерти является подготовка к ней. Под этим понималось не только накопление предметов, необходимых для проведения похорон, но и готовность, зрелость души для перехода в иной мир. По мнению станичников, необходимо *крепко* молиться, соблюдать посты и уклоняться от греха. Участие в таинствах церкви – одно из важнейших условий, подготавливающих переход в другой мир. «Ну как готовится: вот это кается, на исповедь ходит у священника, ходит причащается, молится постоянно, просишь: “Прости мене Господи, прости мене грешную – имя всегда надо [называть. – И.А.], – прости чад моих”. Все просишь. Если человек верующий и постоянно ходит на исповедование, причащается и тогда легче ему и умирать, потому что Господь очищает его все грехи исповедованием. Надо чистую исповедь» [21]. Исповедь и покаяние, по мнению станичников, не только облегчали непосредственный уход из жизни, но и помогали душе в ее посмертных странствиях проходить мытарства [22].

Незнание сроков наступления смерти подталкивает к постоянной молитве. «Человек должный лягать спать и каждый день думать, шо это не знаешь, колы, може ты завтра не встанешь. Ты должный каждую быть минуту, каждую минуту под молитвою, все время. Человек не зна, колы ему конец» [23]. Терпеливое перенесение болезни и страдания также воспринимается как подготовка к будущей жизни. В представлениях верующего болезнь перед смертью – это повод принести покаяние и искупить грехи. «А хорошая смерть – как тебе сказать. Говорят так: если умер, как вот и не болел. Нет. Это, говорят, нужно помучиться, пострадать... а когда человек болеет, он когда лежить, он раскаивается: “Госпади, прости”. Или там ещё что-нибудь прощения просит» [24]. «Вот человек внезапно умирает – это плохо. А вот если поболит, поскорбит, это хорошо. Именно надо поскорбеть, потому что мы великие грешники» [25].

Влияние народных обычаев на богослужение. Необходимо отметить, что не только богослужебные нормы влияли на народную традицию. Наблюдается и обратный процесс, когда в богослужебную практику вносятся элементы по инициативе прихожан. В станице Успенской Белоглинского района перед Великим постом в воскресенье приносят сахар в баночках, сверху на крышечку прикрепляют большую свечу. Баночки устанавливаются на столе в пространстве храма. В первую неделю служат литии по покойному и зажигают свечи. Потом служат в течение поста литии по субботам – тоже зажигаются свечи. Перед страстной неделей сахар сыпается и оставляется на храм [26]. Другой пример: уступая настойчивому желанию поминать усопших сродников, во многих приходских храмах служат панихиды и литии в воскресные и праздничные дни – тогда, когда по уставу церкви могут совершаться лишь негласные поминовения.

Выводы

Исследуя трансформационные процессы похоронной обрядности у русских в XX–XXI вв., А.Д. Соколова делает вывод, что основные изменения в содержательной и формальной части похоронного обряда происходят в конце XX в. Исследователь связывает их с конкретными экономическими факторами, изменениями социальной организации общества, снятием религиозных запретов и идеологической неопределенностью пост-тоталитарного периода [27]. Действительно, изменения, произошедшие в этот период, наиболее наглядны. Однако прежде чем они приобрели явные формы, изменилось сознание станичников. Трансформации похоронно-поминальной обрядности способствует и естественный уход из жизни представителей традиционной культуры, чье мировоззрение сформировалось под непосредственным влиянием православной церкви.

Примечания:

1. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индик, 2004. 320 с.
2. Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991. С. 14, 40.
3. Кирей Н.И., Моряхина Е.В. Структура традиционной похоронной обрядности славянского населения Кубани в конце XIX – в 30-е гг. XX в. (реконструкция по материалам этнографических

- экспедиций) // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа: сб. науч. тр. / под ред. В.Б. Виноградова и др. Краснодар: КГУ, 1988. С. 133.
4. Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М.: Наука, 1999. С. 517.
  5. Афанасий (Сахаров; свт.). О поминовении усопших по уставу православной церкви. СПб.: Сатис, 2008. 329 с.
  6. Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. С. 178.
  7. Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обряды у русских: связь живых и умерших // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: итоги этнографических исследований / под ред. Т.А. Листовой и др. М.: Наука, 2001. С. 84–85.
  8. Левкиевская Е.Е. Обычай «печатать покойника» и «поднимать воздух» в погребальной обрядности Полесья // Живая старина. 2011. № 4. С. 37–40.
  9. Бондарь Н.И. Календарные праздники и обряды кубанского казачества. Краснодар: Традиция, 2011. С. 376.
  10. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян... С. 283.
  11. Кузнецова И.А. Православный храм в жизни станичников // Дело мира и любви: очерки истории и культуры православия на Кубани / науч. ред. О.В. Матвеев. Краснодар: Православный Екатеринодар; Традиция, 2009. С. 285–286.
  12. Респондент: Назаренко А.С., 1914 г.р. Интервьюер: И.А. Кузнецова. Место проведения: станица Линейная Апшеронского района Краснодарского края. Запись 2003 г. // Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (далее – ПМ КФЭЭ). Аудиокассета (далее – а/к) 2905.
  13. Респондент: Шумакова В.А., 1937 г.р. Интервьюер: И.А. Кузнецова. Место проведения: станица Успенская Белоглинского района Краснодарского края. Запись 2012 г. // ПМ КФЭЭ.
  14. Респондент: Прокопенко Е.П., 1941 г.р. Интервьюер: И.А. Кузнецова. Место проведения: станица Ильинская Новопокровского района Краснодарского края. Запись 2005 г. // ПМ КФЭЭ. А/к 3269.
  15. Респондент: Сидорова Л.В., 1938 г.р. Интервьюер: И.А. Кузнецова. Место проведения: станица Успенская Белоглинского района Краснодарского края. Запись 2012 г. // ПМ КФЭЭ. Полевой дневник И.А. Кузнецовой.
  16. Афанасий (Сахаров; свт.). О поминовении усопших по уставу православной церкви... С. 214.
  17. Афанасий (Сахаров; свт.). О поминовении усопших по уставу православной церкви... С. 157.
  18. Респондент: Хилько А.П., 1927 г.р. Интервьюер: И.А. Кузнецова. Место проведения: станица Дядьковская Кореновского района Краснодарского края. Запись 2007 г. // ПМ КФЭЭ. А/к 3718.
  19. Липинский А.В. Троицкая станица. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета. Екатеринодар: Кубанский областной статистический комитет, 1883. Т. 1. С. 699–700.
  20. Респондент: С.Н., 1951 г.р. Интервьюер: С.Н. Рыбко. Место проведения: станица Владимировская Лабинского района Краснодарского края. Запись 2009 г. // ПМ КФЭЭ. А/к 4115.
  21. Респондент: Конокова Р.А., 1930 г.р. Интервьюер: И.А. Кузнецова. Место проведения: станица Раздольная Кореновского района Краснодарского края. Запись 2007 г. // ПМ КФЭЭ. А/к 3759.
  22. Респондент: Шумакова В.А.
  23. Респондент: Ленник М.Н., 1929 г.р. Интервьюер: И.А. Кузнецова. Место проведения: станица Староджерелиевская Красноармейского района Краснодарского края. Запись 2004 г. // ПМ КФЭЭ. А/к 3039.
  24. Респондент: Козьменко М.Ф., 1916 г.р. Интервьюер: Г.В. Румянцева. Место проведения: станица Преградная Урупского района Карачаево-Черкесской Республики. Запись 1998 г. // ПМ КФЭЭ. А/к 1434.
  25. Респондент: Фомичева М.В., 1936 г.р. Интервьюер: И.А. Кузнецова. Место проведения: станица Барсуковская Кочубеевского района Ставропольского края. Запись 2001 г. // ПМ КФЭЭ. А/к 2454.
  26. Респондент: Сидорова Л.В.
  27. Соколова А.Д. Трансформации похоронной обрядности у русских в XX–XXI веке (на материалах Владимирской области): автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2013. С. 15.

References:

1. Sedakova O.A. Poetika obryada. Pogrebalnaya obryadnost vostochnykh i yuzhnykh slavyan. M.: Indrik, 2004. 320 s.
2. Eremina V.I. Ritual i folklor. L.: Nauka, 1991. S. 14, 40.

3. Kirey N.I., Moryakhina E.V. Struktura traditsionnoy pokhoronnoy obryadnosti slavyanskogo naseleniya Kubani v kontse 19 – v 30-e gg. 20 v. (rekonstruktsiya po materialam etnograficheskikh ekspeditsiy) // Problemy arkheologii i etnografii Severnogo Kavkaza: sb. nauch. tr. / pod red. V.B. Vinogradova i dr. Krasnodar: KGU, 1988. S. 133.
4. Kremleva I.A. Pokhoronno-pominalnye obychai i obryady // Russkie. M.: Nauka, 1999. S. 517.
5. Afanasiy (Sakharov; svt.). O pominovenii usopshikh po ustavu pravoslavnoy tserkvi. SPb.: Satis, 2008. 329 s.
6. Bernshtam T.A. Molodost v simbolizme perekhodnykh obryadov vostochnykh slavyan. Uchenie i opyt Tserkvi v narodnom khristianstve. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000. S. 178.
7. Kremleva I.A. Pokhoronno-pominalnye obryady u russkikh: svyaz zhivyykh i umershykh // Pravoslavnaya zhizn russkikh krestyan 19–20 vekov: itogi etnograficheskikh issledovaniy / pod red. T.A. Listovoy i dr. M.: Nauka, 2001. S. 84–85.
8. Levkievskaya E.E. Obychai “pechatat pokoynika” i “podnimat vozdukh” v pogrebalnoy obryadnosti Polesya // Zhivaya starina. 2011. № 4. S. 37–40.
9. Bondar N.I. Kalendarnye prazdniki i obryady kubanskogo kazachestva. Krasnodar: Traditsiya, 2011. S. 376.
10. Sedakova O.A. Poetika obryada. Pogrebalnaya obryadnost vostochnykh i yuzhnykh slavyan... S. 283.
11. Kuznetsova I.A. Pravoslavnyy khram v zhizni stanichnikov // Delo mira i lyubvi: ocherki istorii i kultury pravoslaviya na Kubani / nauch. red. O.V. Matveev. Krasnodar: Pravoslavnyy Ekaterinodar; Traditsiya, 2009. S. 285–286.
12. Respondent: Nazarenko A.S., 1914 g.r. Intervyuer: I.A. Kuznetsova. Mesto provedeniya: stanitsa Lineynaya Apsheronnogo rayona Krasnodarskogo kraya. Zapis 2003 g. // Polevye materialy Kubanskoy folkloro-etnograficheskoy ekspeditsii (dalee – PM KFEE). Audiokasseta (dalee – a/k) 2905.
13. Respondent: Shumakova V.A., 1937 g.r. Intervyuer: I.A. Kuznetsova. Mesto provedeniya: stanitsa Uspenskaya Beloglinskogo rayona Krasnodarskogo kraya. Zapis 2012 g. // PM KFEE.
14. Respondent: Prokopenko E.P., 1941 g.r. Intervyuer: I.A. Kuznetsova. Mesto provedeniya: stanitsa Ilnskaya Novopokrovskogo rayona Krasnodarskogo kraya. Zapis 2005 g. // PM KFEE. A/k 3269.
15. Respondent: Sidorova L.V., 1938 g.r. Intervyuer: I.A. Kuznetsova. Mesto provedeniya: stanitsa Uspenskaya Beloglinskogo rayona Krasnodarskogo kraya. Zapis 2012 g. // PM KFEE. Polevoy dnevnik I.A. Kuznetsovoy.
16. Afanasiy (Sakharov; svt.). O pominovenii usopshikh po ustavu pravoslavnoy tserkvi... S. 214.
17. Afanasiy (Sakharov; svt.). O pominovenii usopshikh po ustavu pravoslavnoy tserkvi... S. 157.
18. Respondent: Khilko A.P., 1927 g.r. Intervyuer: I.A. Kuznetsova. Mesto provedeniya: stanitsa Dyadkovskaya Korenovskogo rayona Krasnodarskogo kraya. Zapis 2007 g. // PM KFEE. A/k 3718.
19. Lipinskiy A.V. Troitskaya stanitsa. Statistiko-etnograficheskoe opisanie // Kubanskiy sbornik: Trudy Kubanskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta. Ekaterinodar: Kubanskiy oblastnoy statisticheskoy komitet, 1883. T. 1. S. 699–700.
20. Respondent: S.N., 1951 g.r. Intervyuer: S.N. Rybko. Mesto provedeniya: stanitsa Vladimirovskaya Labinskogo rayona Krasnodarskogo kraya. Zapis 2009 g. // PM KFEE. A/k 4115.
21. Respondent: Konokova R.A., 1930 g.r. Intervyuer: I.A. Kuznetsova. Mesto provedeniya: stanitsa Razdolnaya Korenovskogo rayona Krasnodarskogo kraya. Zapis 2007 g. // PM KFEE. A/k 3759.
22. Respondent: Shumakova V.A.
23. Respondent: Lennik M.N., 1929 g.r. Intervyuer: I.A. Kuznetsova. Mesto provedeniya: stanitsa Starodzherelievskaya Krasnoarmeyskogo rayona Krasnodarskogo kraya. Zapis 2004 g. // PM KFEE. A/k 3039.
24. Respondent: Kozmenko M.F., 1916 g.r. Intervyuer: G.V. Rummyantseva. Mesto provedeniya: stanitsa Pregradnaya Urupskogo rayona Karachaevo-Cherkesskoy Respubliki. Zapis 1998 g. // PM KFEE. A/k 1434.
25. Respondent: Fomicheva M.V., 1936 g.r. Intervyuer: I.A. Kuznetsova. Mesto provedeniya: stanitsa Barsukovskaya Kochubeevskogo rayona Stavropolskogo kraya. Zapis 2001 g. // PM KFEE. A/k 2454.
26. Respondent: Sidorova L.V.
27. Sokolova A.D. Transformatsii pokhoronnoy obryadnosti u russkikh v KhKh–KhKhI veke (na materialakh Vladimirovskoy oblasti): avtoref. dis... kand. ist. nauk. M., 2013. S. 15.

УДК 393(470.620)

**Роль православного богослужения в формировании
народного отношения к умершим**

Ирина Анатольевна Кузнецова

Научно-исследовательский центр традиционной культуры
ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор», Российская Федерация
350051, Краснодар, улица Клубная, 16
E-mail: i.a.kuznetsova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена характеристике влияния богослужения на формирование представлений кубанских казаков о смерти и бытование погребально-поминальной обрядности. Автор последовательно рассматривает несколько аспектов такого влияния. Богослужение анализируется как источник текстов, терминов и образа действий, как явление, формирующее отношение к умершим, опыт общения с умершими а также отношение к личной смерти. Также автор коротко останавливается на тех случаях, когда можно наблюдать влияние народных обычаев на богослужение.

Ключевые слова: богослужение, кубанское казачество, поминовение, смерть, усопший, церковь, чинопоследование.